

Переславские легенды

Гора Невского

К стыду своему, я и не знал, что есть такая гора. Гора Александра Невского.

Да, поди, и многие ярославцы не знают об этом. Другое дело переславцы — у тех, куда ни кинь, везде история. Не звонкая, не шумливая — история сама по себе, знающая себе недешёвую цену, но молчаливая.

Ядрёным сентябрьским днём везли меня мимо этой самой горы в местечко Кухмарь — на турбазу, где должны были состояться в этом году последние туристские соревнования.

Мы ехали туда, округляя Плещеево озеро, и словно перелистывали тома истории...

Слева белело озеро, лучи закатного солнца наискось ударяли в него, и поэтому оно белело. Редкой белизной, мраморно-серебристой. Жёлтый орешник — справа — украшал всё взгорье. Он террасами поспешал всё вверх и вверх. Листья с него ветер относил в озеро, а корни то... Корни-то, наверно, идут от тех кустов, которые охраняли и князя Александра от студёных ветров с озера...

— Вон она, гора Александра Невского, — сказал шофёр Женька.

Он остановил машину. Перепрыгнув через почти сухой ручей, мы пожелали подняться в эту самую гору.

Гора — не гора, а холм высокий. Пестроватый по-осеннему.

Трудно укладывается сейчас в голове, что, может быть, именно отсюда, с этого холма, указывал Александр Невский рукой путь своей сермяжной дружине к мшистым берегам Чудского озера, где псы-рыцари нашли могилу возле Вороньего камня...

С трудом, но всё-таки я поднялся на самый холм. Хорош и удивителен с него был взгляд на город Переславль.

Внизу сновали машины, а мне чудилось, как много веков назад сбегались мужики-сермяжники под самый холм и кричали: «Веди нас, князь, на ворога!»

И вёл их князь Александр Невский. И сдаётся мне, что на ордене в его честь есть частичка солнца, отражённого от светлой глади Плещеева озера.

Синий камень

О нём я узнал почти случайно, когда несколько лет назад увидел на областной художественной выставке этюд Семёна Горячева «Синий камень».

И в ту самую поездку, когда я видел гору Александра Невского, я встретился с Синим камнем впервые.

Женька-шофёр остановил машину, спрятал её под жёлтыми кустами и повёл нас по илистому приозёрному берегу.

В зелёной траве, мелкой и истоптанной каблуками, кренился к воде тяжёлый и обыкновенно серый камень, один из миллиардов камней, дёшево подаренных нам ледниковым периодом.

Никаких сине-светлых теней на нём не было. Он был большим каменным пластом в пепельной осоковой низине. Он был плоской и широкой каменной ложей, где иногородние туристы, чаще всего только они, «вызубривали» на живом теле камня свои инициалы, примитивно полагая, что эти-то самые вырубленные инициалы составят достойные истории.

Они в тот миг не думали, что по самым элементарным законам физики скопившаяся в расщелинах вода при первых строгих заморозках сметёт их инициалы подчистую.

Правда, камень от этого становится тоньше. И, спасаясь от назойливых туристов, с каждым годом всё глубже уходит в землю, словно прячась от них...

Ходит в округе такая молва, что Синий камень вообще решил «утопиться» в озере. И есть основания говорить так: с каждой осенью серый монолит спускается к воде всё ниже и ниже...

Женька-шофёр рассказывал, что он (после войны) мальчишкой спал на этом камне и уху варил из плещеевской щуки. «А камень тогда во-о-он где лежал!»

Чтобы представить, где тогда лежал камень, сейчас надо иметь солидное воображение.

В Кухмаре, на турбазе, были и соревнования, и высокий огонь костра, и очень зелёные сосны на песчаных крутых склонах, где в ту осень даже попадались белые грибы...

Запомнилось, как чеглок (мелкий сокол) «нырял» среди макушек корабельных сосен за каким-то крупным жуком...

И ещё запомнилось утро над Плещеевым озером. Зелёный берег и тихо-светлая вода.

Хотелось умыться озёрной водой — не удалось.

Рыбак прошагал мимо нас в высоких сапогах — и то утонул.

Озеро рано утро было белым-пребелым. И высоким. Лодки с берега плыли, как по донышку опрокинутого блюда. Интересно, почему так?

В жидком тростнике вдоль берега, вспугнутые вёслами, поднимались чайки. В утреннем солнце они были розовыми.